

ЛОЦМАН МАЛЬЧИШЕЧЬЕГО МОРЯ

ЛАУРЕАТЫ КОМСОМОЛА

ЕСЛИ спустить на воду все бриги, фрегаты, шхуны, клиперы, барисентины, описанные в повестях Владислава Крапивина, получится невиданная флотилия.

Если созвать всех его героев — горнистов, всадников, мушкетеров, барабанщиков, шкиперов, «рогатых викингов», летчика для особых поручений, пионеров и дошколят, — предстанет мальчишечье племя со всей неуемной фантазией, ежедневным ожиданием чуда и готовностью свершить великие дела.

В сухопутном городе Свердловске дуют пассаты и зюльвесты, скрипят рей, бушуют штормы, шепчет море в синих заливах... Скоро-скоро откроется навигация для пионерского отряда «Каравелла» на Верх-Исетском пруду — наполнятся ветром паруса, взлетят флаги на мачтах. В этом году «Каравелла» вместе со своим неизменным капитаном Владиславом Петровичем Крапивиным отмечает свое двадцатилетие.

Не многие могут похвастать двадцатилетним стажем пионерского вожакого...

Семья, дом, книги, отряд. И всегда кто-нибудь торчит в кабинете, напоминающем каюту компании, шелестит страницами, задает вопросы, отвлекает разговорами.

А голос синих пространств звучит и звучит. И книга выходит за край.

Владислав Крапивин — писатель-романтик. Все его повести заполнены атрибутами классической романтики: шипагами, парусами, воздушными змеями, звездами, «альми перьями стрел». Реальные в них только герои — обыкновенные мальчишки. Реально их стремление к правде, справедливости, добру, их вера в умных взрослых людей.

Конечно, всех «взрослых не перевоспитаешь», как сказал герой повести «Баркентина с именем звезды». Далеко не все они способны сказать ре-

бенку: «Иди и смотри. Смотри и трогай». Никто из них не поймет, что модные фасоны просто ерунда, — надо «все изляпки материи перешить на паруса и флаги», так считает мальчишка из повести «Та сторона, где ветер». Взрослые думают, что это справедливо — превратить романтическую бригантину в ресторан, шампанными липкими руками хватать штурвал, капать соусом на палубу... И вот что интересно — понравилось бы взрослым, если бы им на работе дали характеристику: послушный, не послушный?

Не однозначный это, впрочем, вопрос — судить взрослых.

Старый летчик Иван Савельевич в повести «Болтик», где до самого донышка раскрыта душа ребенка, откроет маленькому Максиму великую истину: «Учиться быть большими как раз и надо, пока маленькие, потом поздно будет».

Что бы это значило?

Если у тебя «утык», то есть все неприятности утыкаются в тебя: мама ругает за провинность, в дневнике красуются двойки с маленькими злыми головками, и жизнь — плохая и печальная — ты опускаешь нос или нет? Если у тебя есть друг (самое большое счастье на свете) — ты предавал его? Если кто-то маленький и слабый позвал тебя — ты рванулся ему на помощь? Если хулиганы ждут тебя на улице и некуда свернуть — ты встал на колени, выпрашивая милостивого обращения?

Вот так. Надо быть просто настоящим человеком. А велик ты или мал — не имеет значения.

Все дети рождены для радости. «Вот сейчас, сейчас, через полсекунды отскочит от удара ладонями дверь подъезда, и кинутся тебе навстречу весенние улицы. Ура!..» «Весь мир, как он есть, открыт. Можно влететь в радугу, в

брызги от фонтана, где «каждый цвет имеет свой запах: желтый пахнет сосновыми шишками, оранжевый — мандаринами, зеленый — мокрой травой». Можно смотреть в пробку от графина, и все вокруг засверкает. Можно на зонтике сделать дырки — и будет карта звездного неба...

Все мальчишки тянутся к романтике: без нее их душа сохнет, черствеет. Голос Синих Пространств и Свежий Ветер нужны парусу, воздушному змею и человеку. В наших лесах нет львов — значит, надо их выдумать, как выдумали герои рассказа «Львы не приходят на дорогу». Нет крокодилов? А почему бы не представить, что ушел крокодил из Московского зоопарка, уплыл в реку, потом в канал, потом — в ручей? Джонни Воробьев так и объяснил этот факт. Джонни — это просто Женька, который говорил следующим образом: «Дживотное... Джирно будет... Джить надоело». За это и удостоился своего иноземного имени, потому что «Дженька» — что за имя? А за веселый, неунывающий нрав и склонность к бесконечным выдумкам автор сделал Джонни Воробьева героем сразу трех повестей: «Бегство рогатых викингов», «След крокодила» и «Мушкетер и фея».

Мальчишечья душа просит подвига. Есть у Владислава и повесть «Вершинины, старший и младший» (написана вместе с братом Сергеем Крапивиным). Главный герой ее Лешка приехал на каникулы в Белоруссию, к старшему брату, оставшемуся работать сразу после войны в обком комсомола. Это настоящая приключенческая повесть.

Конечно, мальчишкам военного времени повезло. Но вот вышла новая книжка писателя «Трое с площади Карронад». Она, как и все книги Крапивина, — о дружбе, о судьбе мальчишки и о подвиге. Но это печальная книга. Она о том, как «гибнут маленькие, любопытные, кто

ближе к земле и траве», как в наше время подрываются на минах мальчишки. Тревожно звучит в ней сигнал «Новембар Чарльз»: стихия сильнее, люди ничего не могут сделать в таких обстоятельствах.

С горечью автор и его герои думают о том, почему в городе триста памятников и ни одного нет ребятам. Ведь они тоже воевали: маленькие артиллеристы Первой обороны, юнги из морской пехоты... Они и сейчас погибают, из-за войны... Нет, не бесславно погибает и нынешний школьник. Только взрослые не говорят про его подвиг — они не хотят, чтобы рисковали другие мальчишки... Это нельзя.

Ну, а где же еще место подвигам? Конечно, по-своему совершают его и Сережа из повести «Звездный час Сережи Каховского», и Кирилл Векшин в «Колыбельной для брата», и даже малыш Максим из «Болтика», который знает: «Кроме страха в человеке есть гордость. Она со страхом борется, и они стараются повалить друг друга на лопатки». Страшные темные углы, привидения, прививки. Страшна хулиганская «колда», которая ждет в узком переулке. Ждет... Не у всех историй будет счастливый конец, который так любят ребята в книгах. Но каждый читатель оценит смелый и верный характер мальчишек, героев этих повестей, и поймет: «За правду, за себя, за тех, кто слабее и младше тебя, — надо воевать!» Только нет в таких подвигах и победах полной, поющей радости: от драк с хулиганами всегда остается чувство чего-то противного, гадкого, без чего можно было бы обойтись...

Где же ты, Красивый Подвиг?!

Вот когда они появляются — крапивинские книги-сказки. В них можно выдумать страну, которой никогда не было. В них можно освободить целый народ, целую планету. И пусть все будет выдуманным — реальными снова останутся

мальчишки, которые не будут искать в этих сказках ни горшка, разливающего вечную кашу, ни молочных рек с кисельными берегами, ни богатства. Они будут искать друзей и справедливости и бороться за нее.

Итак, сказка. То есть то, чего не было. Или было?..

«Было — не было» явственно прозвучит в повести «Всадники со станции Роса». Вызванные воображением Сережи Каховского всадники с голубыми звездами (у красивых кавалеристов были голубые звезды) пришли ему на помощь в самый трудный момент. Те, кто внимательно прочел эту повесть, поняли, что всадники были из студенческого стройотряда. Крепкая нить связала реальность и сказку, и все-таки сказка звучала сильнее — таков уж настрой всей повести.

Но дети не разделяют сказку и реальность: у них все настоящее.

...Вот спрашивают: куда идет Крапивин? К своему «Тому Сойеру» или к своим «Двум капитанам»? Или к своим «Трем толстякам»? А, может, он идет к современной сказке? Есть же понятие «современный рассказ» — его исследуют, анализируют. Это будет совсем особый жанр, со своим нравственно-социальным ключом, со сложными переплетениями реального и сказочного, с целым коллективом героев, потому что герои Крапивина никогда не бывают без друзей.

Лишь в немногих произведениях Владислав Крапивин «списывает с натуры» свой отряд «Каравелла» — в старых рассказах, в повести «Звездный час Сережи Каховского», где действует похожий клуб «Эспада». Отряд «Каравелла» существует вне книг. Он — жизненный.

Ребята из отряда «Каравелла» смелые и справедливые. Они не пройдут мимо тех, кого обижают на улице. Они обязательно пойдут в школу, где мальчишке чуть не оторвали

ухо, — ведь бывают «неблагополучные» школы, как бывают «неблагополучные» семьи. Пионеры из «Каравеллы» объясняются с завучами и директорами школ, когда кого-то из отряда не пускают на занятия, потому что в «Каравелле» тоже должна быть дисциплина.

Есть в повести «Летчик для особых поручений» Черный Кат, ужасно переживающий из-за одного обстоятельства: как ни пойдет — обязательно кому-нибудь да поперек дороги. Сам Крапивин, «вокруг которого школы и дети, которых нередко обижают непониманием, грубостью, формальным отношением, тоже кому-нибудь да становится поперек дороги. То он выступает против продленок в их сегодняшнем виде, когда мало что приспособлено для отдыха ребят, и дети вынуждены по десять часов проводить в классных комнатах. То его возмущают порядки в пионерских лагерях... «Купаться нельзя — утонете, загорать нельзя — перегреетесь, в лес нельзя — заблудитесь, на карусель нельзя — закружитесь, стрелять нельзя — в глаз попадете...»

Вот Крапивин и становится поперек дороги. Выслушайте! Разберитесь! Каждый ребенок — представитель человечества!

А иначе не был бы он детским писателем, не был бы лауреатом премии Ленинского комсомола, если бы не болей душой за ребят, если бы не смотрел дальше сегодняшнего дня.

Потому что будут у нас и условия для продленного дня — об этой проблеме всю уже пишут газеты. Будут пионерские лагеря, где построят дачи-корабли, дачи-самолеты, где, наверно, уж раз-то в неделю горнисты пропоят: «Спать не ложитесь-те... Ждет вас доро-о-га!..» Будут детские клубы в лабиринтах многоэтажек.

Н. ШИРОВА.

Копие правды 1981, 26 июня